

М. Ю. Лермонтов. К 120-летию со дня рождения

Когда хотят назвать самых замечательных из прежних русских поэтов, то называют всегда два имени: Пушкин и Лермонтов (как у немцев – Гете и Шиллер). Это – как бы Эльбрус и Казбек нашей поэзии. Если хотят прибавить третье равнозначное имя, то называют обычно Некрасова, но каждый чувствует при этом, что эта вершина – из другой горной системы и совершенно иного «геологического состава». Дело в том, что Пушкин и Лермонтов столь прочно ассоциировались в нашей историко-литературной памяти не только в силу равновеликости их поэтического ранга и не только в силу их хронологической смежности (как известно, конец Пушкина был началом лермонтовской славы), но главным образом в силу их социальной, культурной, а, стало быть, и стилевой общности. Оба они принадлежали в одной и той же социальной формации (родовитое, но оттесненное от власти дворянство), оба с детства дышали воздухом одной и той же культуры, главными элементами которой были французское образование, европейский кругозор, увлечение Байроном, политический либерализм и т. д. А что касается стилевого сходства, естественно рождавшегося от этих общих корней, то оно так велико, что широкий читатель нередко путает обоих поэтов, приписывая одному произведения другого.

Случилось, однако, так, что Пушкин – этот «любимый поэт Советского Союза», как назвал его недавно под шумные аплодисменты писательской аудитории тов. Стецкий, заслонил собой своего гениального преемника – и при том не только в глазах широкой публики, но даже и для наших литературоведов, которые, не уставая работать над Пушкиным, далеко не балуют своим вниманием Лермонтова. Объясняется это отчасти чисто внешними причинами. Во-первых, Лермонтов был после Пушкина и, как мастер, шел в значительной мере по его стопам. У Пушкина, таким образом, преимущество исторического приоритета. Во-вторых, Лермонтов, погибший 27 лет от роду, прожил на целое десятилетие меньше Пушкина и, естественно, не мог дать столько, сколько успел дать Пушкин. Однотомники Пушкина и Лермонтова имеют, правда, приблизительно одинаковый объем, но разница между ними та, что если в первом

ученически незрелая продукция («лицейский период») составляет, примерно, всего лишь пятую часть, во втором она занимает добрую половину.

Эти чисто внешние обстоятельства были неблагоприятны для посмертной судьбы Лермонтова еще до революции. Но недостаточно широкая популярность его в наше время (по сравнению с Пушкиным) имеет и другие, более глубокие основания. Пушкин полюбился советскому читателю своей многогранностью, широтой своего творческого диапазона, тем, что в его поэзии можно найти отзвук на всякое настроение, на любую человеческую эмоцию. Лермонтов же сравнительно с ним поэт монотонный. В сущности, во всех его произведениях один и тот же основной мотив – мотив одинокой, гордой и мятущейся личности. М. Горький в своем докладе на писательском съезде отметил, что «основная тема европейской и русской литературы XIX столетия – личность в ее противопоставлении обществу, государству, природе». Это меткое наблюдение ни к кому из русских классиков неприменимо в такой степени, как к Лермонтову. А, так как он был лирик, то понятно, что этой противопоставленной всему личности была его собственная личность. Отсюда вторая особенность лермонтовской поэзии – ее безграничный субъективизм, ее беспримерная автобиографичность. Все образы Лермонтова, начиная с «Паруса» и «Дубового листка» оторвавшегося «от ветки родимой» и кончая Печориным, «Демоном» и т. д. – все это различные модификации его собственного я. Не говоря уже о том, что этот глубокий эгоцентризм мало созвучен нашей антииндивидуалистической эпохе, он не может не снижать чисто познавательной ценности лермонтовского творчества.

«Евгений Онегин» Пушкина есть, например целая энциклопедия тогдашней русской эпохи, широкое полотно своей эпохи. В Лермонтове же романтик подавлял собой «критического реалиста» и в его произведениях, даже в его «эпических» поэмах мы познаем главным образом его самого.

Наконец, в то время как поэзия Пушкина оптимистична, проникнута бодростью и жизнерадостностью, которая заражает и заряжает, при чем даже элегии его имеют мажорные концовки – поэзия Лермонтова пессимистична и,

если потреблять ее без должного сопротивления, она не может не оказывать на иных размагничивающего действия. Стоит вспомнить знаменитое: «И жизнь, как посмотришь с холодным вниманием вокруг, такая пустая и глупая шутка».

Таковы внутренние причины, обусловившие малую популярность Лермонтова в советской стране. Но объяснить эту «малую популярность» не значит ее оправдать и, санкционировать, и здесь – в противовес оказанному – необходимо выявить неоспоримые достоинства Лермонтова в порядке его «реабилитации». В настоящий момент, когда в порядок литературного дня поставлены вопросы качества, необходимо, прежде всего, отметить высокое мастерство Лермонтова. Лирические стихотворения *зрелого* Лермонтова – это поэтическое *золото* столь же *высокой* пробы, что и лирика Пушкина. А прозу Лермонтова, считал для себя образцом такой, например, большой художник слова, как чехов. «Я не знаю», сказал он однажды, – языка лучше, чем у Лермонтова. Я бы так и сделал: взял его рассказ и разбирал бы, как разбирают в школах, – по предложениям, по частям предложения... Так бы и учился писать».

Что касается общего характера лермонтовской поэзии, равно как и своеобразного облика ее творца, то и здесь – при условии пристального внимания – можно обнаружить много драгоценного и поучительного с современной точки зрения. Будучи монотонной, поэзия Лермонтова выигрывает зато в своей силе и сосредоточенности. Так горный поток, заключенный в тесное ущелье, приобретает больше энергии и стремительности. Подобно своему Мцыри, Лермонтов мог сказать про себя: «Я знал одной лишь думы власть, – одну, но пламенную страсть: она, как червь во мне жила, изгрызла душу и сожгла». Белинский назвал Лермонтова «львиной натурой, страшным и могучим духом».

Про знаменитое стихотворение Лермонтова «На смерть Пушкина», за которое поэт поплатился ссылкой, один современник писал: «Навряд ли», когда-нибудь еще в России стихи производили *такое* громадное впечатление».

Зная все ничтожество современного Лермонтову «общества», трудно отказать поту в праве на воинствующее противопоставление этому обществу

своей яркой личности: «О, как мне хочется смутить веселость их, и дерзко бросить им в глаза железный стих, облитый горечью и злостью».

Не давши в силу автобиографизма своего творчества широкого охвата современной ему действительности, Лермонтов зато с исчерпывающей полнотой увековечил в своем искусстве облюбленный им тип «Героя нашего времени», то есть себя и себе подобных. Гениальна его «Дума», где он дал монументальную и убийственную характеристику своего поколения, опустошенного после катастрофы 14 декабря.

Ярко выраженный индивидуалист, Лермонтов все же не был поэтом-олимпийцем. Напротив, ему было свойственно сознание высокой общественной и моральной роли его искусства («Поэт», «Пророк»)

Впоследствии Л. Толстой, который вообще не жаловал поэтов, сказал про Лермонтова: «Вот в ком было это вечное, сильное искание истины! У Пушкина нет этой нравственной значительности» ... Несчастье Лермонтова заключалось в том, что смолоду, по условиям своего изолированно-тепличного воспитания, он не сумел пойти по пути Герцена, одновременно с ним учившегося в московском университете. Позднее сословные предрассудки офицерской касты помешали ему сблизиться с революционными разночинцами типа Белинского. Лермонтов остался протестантом-одиночкой. Разумеется, эта одиночная борьба не могла быть эффективной. Отсюда лермонтовский пессимизм, который отнюдь не был чем-то органическим, а знаменовал собой лишь усталость бойца. Проходила усталость, поэт снова поднимал свое остро разящее поэтическое оружие. Не будучи поэтом-революционером в собственном смысле этого слова, Лермонтов до конца остался поэтом мятежником. Отправляясь в свой последний путь на Кавказ (во вторую ссылку), опальный поэт заклеил «немытую Россию» и «голубые мундиры», заявив, что рад укрыться за «хребтом Кавказа» от российских пашей, «от их всевидящего глаза, от их всеслышащих ушей». И когда «беспокойного» поэта, наконец, не стало, то «надменные потомки известной подлостью прославленных отцов» то есть правящие верхи встретили весть о его смерти вздохом чисто зоологического удовлетворения.

Так при ближайшем рассмотрении видимые минусы Лермонтова погашаются соответствующими плюсами. И нельзя сомневаться в том что, проживи он дольше, число этих плюсов увеличилось бы, ибо нелепая смерть застигла его в самом расцвете его гения. Под свежим впечатлением этой трагической смерти Белинский писал Боткину: «Мы лишились в Лермонтове поэта, который по содержанию шагнул бы дальше Пушкина»...

Трудно гадать о том, что дал бы Лермонтов, если бы он умер хотя бы в Пушкинском возрасте. Но достаточно обладать элементарным навыком арифметического вычитания, чтобы точно сказать, чего не дал бы Пушкин умри он в лермонтовском возрасте. В этом случае мы не имели бы ни «Медного всадника», ни «Капитанской дочки», ни повести Белкина, ни «маленьких» трагедий, не было бы знаменитой Болдинской осени 1830 года, не был бы закончен «Евгений Онегин», едва-едва поспела бы «Полтава» и т. д.

Не посягая нисколько на первенство Пушкин, нужно прямо сказать, что Эльбрус есть Эльбрус, но и Казбек есть Казбек.

Н. Прянишников